МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Сборник статей
XXXIV Международной научной конференции
(15, 16, 17 октября 2024 г.)

Ответственный редактор
доктор педагогических наук, профессор С.К. Гураль

Томск
Издательство Томского государственного университета
2024

УДК 410/378.147
ББК 81.1
Я41

Редакционная коллегия:
канд. филол. наук, проф. *Л.Т. Леушина* (зам. главного редактора);
канд. филол. наук, доцент *Л.Б. Прокопьева* (отв. секретарь); доктор филол. наук *О.В. Нагель*;
доктор филол. наук, проф. *Л.Г. Панин*; доктор психол. наук, проф. *О.М. Краснорядцева*;
доктор пед. наук, проф. *Т.А. Костюкова*

Я41 **Язык и культура** : сборник статей XXXIV Международной научной конференция (15, 16, 17 октября 2024 г.) / отв. ред. С.К. Гураль. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2024. – 372 с.

ISBN 978-5-907890-40-4

Настоящий сборник составлен на основе докладов участников XXXIV Международной научной конференции «Язык и культура». Представленные в издании материалы посвящены актуальным вопросам теоретического и прикладного языкознания и литературоведения, психолого-педагогическим и социокультурным аспектам преподавания иностранных языков, важным проблемам перевода и межкультурной коммуникации.

Для преподавателей высших учебных заведений, студентов, учителей школ, лицеев, гимназий и колледжей.

УДК 410/378.147
ББК 81.1

ISBN 978-5-907890-40-4

© Томский государственный университет, 2024

О.Б. Панова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

«ВСЕГДА БУДЕТ ЛЮБИМЦЕМ ПОКОЛЕНИЙ ИСТОРИЧЕСКИ ЗРЕЛЫХ И МНОГО ПЕРЕЖИВШИХ…». ШЕКСПИРОВСКИЙ МИР БОРИСА ПАСТЕРНАКА (К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФИИ ПЕРЕВОДА) "*HE WILL ALWAYS BE THE MOST BELOVED AND RESPECTED BY MANY GENERATIONS OF MATURE PEOPLE WHO EXPERIENCED AND SUFFERED A LOT*". BORIS PASTERNAK'S VISION OF SHAKESPEARE'S WOLD: PHILOSOPHY OF TRANSLATION

Аннотация. Статья посвящена Б.Л. Пастернаку как переводчику шедевров Шекспира. В центре внимания автора – философское осмысление Пастернаком искусства перевода на основе его комментариев к переводам шекспировских произведений. Для Пастернака характерно понимание перевода как творчества, в процессе которого возможны философские откровения о мире и человеке, ходе истории, драматизме жизни, трагичности смерти, смысле любви.

Abstract. The article is devoted to Boris L. Pasternak as a translator of Shakespeare's masterpieces. The author focuses on Pasternak's comments on translations of Shakespeare's works and his philosophical understanding of the art of translation. As Pasternak has remarked, translation is a creative activity, it is an art with its all possible philosophical revelations about the world and man, history and evolution, life dramas, death and tragedy, and love as the central concept in literature.

Переводом шедевров Шекспира и постижением его творчества Б.Л. Пастернак занимался всю жизнь [1, 2]. Шекспир, Гёте, Рильке были его вечными спутниками. Подобно этим гениям он представляет собой личность вселенского масштаба, одарённую во многих областях познания и творчества. Его гений проявился в поэзии и литературе, эстетике и искусстве живописи и музыки, богословии, философии, искусстве перевода. С детства и отрочества он был погружён в искусство и творческую атмосферу, где авторитетом в живописи для него стал отец – художник, академик Петербургской Академии художеств Леонид Пастернак, учителем музыки был выдающийся композитор А.Н. Скрябин. *Философией* молодой Борис горячо увлёкся, ещё будучи студентом Московского университета, где ему посчастливилось слушать лекции Г. Шпета о феноменологии Гуссерля. Далее его *«годы учений»* и *«годы странствий»* продолжались в Германии, в центре европейской философской мысли Марбурге; он прошёл марбургскую школу неокантианства, где его наставниками были Герман Коген, Пауль Наторп, Николай Гартман [3. С. 165–170, 181–-189]. Пастернак – один из немногих русских лауреатов Нобелевской премии по литературе (1958), присуждённой «за значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа»; деятель культуры, явивший духовный лик России Миру. Можно сказать, что Пастернаку, как и Вл. С. Соловьёву и другим русским философам, было глубоко свойственно стремление к *«всеединству»* [4, 5] в постижении Мира, Бога, человека, жизни. *Философия*, *религия*, *наука*, *искусство и поэзия* в его миропонимании – неразрывно связаны, сопряжены в традициях русской культуры в целом [6].

Вот в таком обозначенном выше масштабном жизнетворческом контексте состоялись все великие переводы Пастернака. Работа над переводами (вернее – *искусство перевода*!), за-

нимавшая значительную часть его жизни, была для него неотделима от самой *поэзии* и *философского* постижения тайны *творчества*. Долгие годы трудясь над переводом «Фауста» Гёте, он глубоко лично переживал все искания и конфликты становления и развития европейской философии; через тексты драм Кальдерона, Генриха фон Клейста, Фридриха Шиллера остро ощущал трагичность самой жизни; посредством перевода стихотворений Китса, Шелли, Байрона, Верлена, Рильке и др. пытался постичь логику истории мировой поэзии, открывал иные культурные миры. Поскольку в этом едином творческом процессе и *сам перевод* становился для Пастернака и поэзией, и искусством, и творчеством, он постоянно задавался *философскими* вопросами о *природе и сущности перевода* как такового. И здесь поиски Пастернака находятся в русле длительной, весьма интересной и мало изученной традиции *философского* осмысления перевода как явления культуры. ***«Что суть перевод?»*** – такой вопрос ставили и пытались найти ответ на него многие философы: Ф. Шлейермахер, Хосе Ортега-и-Гассет, В. Беньямин, Дж. Стайнер, М. Бланшо, Ж. Деррида, Ф. Лаку-Лабарт, С. Сонтаг, П. Рикёр, У. Эко [7–14]. В этом обширном контексте Б. Пастернака, оставившего не только выдающиеся переводы, но и глубокие размышления о его сущности и бытии в культуре, можно также считать философом перевода.

Пастернаковские переводы трагедий, хроник, сонетов Шекспира один за другим появлялись в исторически сложные и напряжённые годы трагического XX века. *«Объявление войны оторвало меня от первых страниц «Ромео и Джульетты…»*, – читаем в его дневниках [15. С. 44–45]. И в такие времена в России не прерывалась традиция русского шекспироведения (советский период, становление и развитие советского шекспироведения)! Появляются переводы шекспировских шедевров И. Аксёнова, М. Кузьмина, Т.Л. Щепкиной-Куперник, С. Маршака, М. Лозинского, В. Левика, А.А. Смирнова, А. Радловой, А. Дейча, Г. Козинцева; выходят филологические бестселлеры о Шекспире М.П. Алексеева, А. Аникста, Л. Пинского, Б.Г. Реизова, М.А. Барга и мн. других [16–23]. Разворачивался эпохальный дискурс о творчестве Шекспира и о том, как переводить его произведения, – в перепискахъ, спорах, взаимопрочтениях и комментариях, и Борис Леонидович, конечно, был его активным участником [24. С. 118–120, 232–256, 591–605].

На Западе в конце XX столетия Гарольд Блум представил серьёзную, хоть и проблемную, работу «Западный канон», в которой описал логику культурного канона и на основе обширного исследования обосновал центральное место Шекспира в истории мировой культуры [25. С. 59–94]. Б.Л. Пастернак говорил о «Шекспире как центре канона» гораздо раньше: «Когда-то молодую англоманию Пушкина и Лермонтова мы не могли объяснить одним идейным влиянием Байрона. В их увлечении нам всегда чудилось какое-то *ускользающее основание*. Позднее, при нашем скромном знакомстве с Китсом и Суинберном, нас останавливала та же загадка» [15. С. 52–54]. То, что придаёт «дополнительное очарование каждой английской строчке, есть *незримое присутствие Шекспира* и его влияния в целом множестве наиболее действенных и типических английских приёмов и оборотов» [15. С. 52-54]. «Общеизвестно значение, которое он (Шекспир) имел для Пушкина, Гюго и других. Им занимались немецкие романтики. Один из Шлегелей переводил его, другой вывел из творений Шекспира своё учение о романтической иронии. Мы не знаем, где нашлась бы подходящая форма для необычайного сцепления Шеллинговых и Гегелевых идей, если бы не существовало Шекспира… Шекспир – предшественник будущего символизма Гёте в «Фаусте». …Шекспир – провозвестник позднейшего одухотворённого театра Ибсена и Чехова» [15. С. 88–90]. Он показывает поис-

тине безграничность шекспировского влияния во всех областях мировой культуры: на становление философской мысли и создание философских концепций и эстетических доктрин, на искусство театра, поэзии, живописи, музыки, на развитие наук и т.п. – на формирование мировоззрения человечества в целом, эволюцию Языка и всю интеллектуальную традицию. Шекспир – исток, фундаментальное основание, центр и одновременно перспектива, он вечен и постоянно актуален, классичен, современен и всегда своевременен, его присутствие ощутимо и в прошлом, и будущем, и настоящем. *«Искусство никогда не начиналось. Оно бывало постоянно налицо до того, как становилось»* [15. С. 24–25], и Шекспир бессмертен – как само Искусство. Сама Культура непрерывно творит, порождает и возрождает шекспировский текст, устремляющийся в бесконечность.

Потому «Переводить Шекспира – работа, требующая труда и времени. Принявшись за неё, приходится заниматься ежедневно… Это каждодневное продвижение по тексту *ставит переводчика в былые положения автора*. Он день за днём *воспроизводит движения, однажды проделанные великим прообразом*. Не в теории, а *на деле сближаешься с некоторыми* ***тайнами автора****, ощутимо в них посвящаешься*», – отмечает Пастернак [15. С. 83]. Он не просто занимается переводом Шекспира на русский язык и даже не просто одновременно исследует его произведения, художественный текст, особенности сюжетов, язык и стиль. Переводя, Пастернак настолько погружается в Шекспировский мир, в мифопоэтическую глубину его повествования, что становится *соавтором* самого гения и прикасается к сокровенной тайне природы творчества, сущности поэзии. Сам процесс перевода для него становится *философским осмыслением* творчества, мира, языка, гениальности. В его комментариях и заметках о Шекспире содержится *философия творчества*, сопряжённая с *философией перевода*. Какие *тайны* приоткрываются Пастернаку с шекспировских страниц? В нескольких строчках его заметок находим философские откровения об истории, о природе человека, о жизни и смерти, о смысле любви, о языке и, конечно, о самом переводе и его сущности. Есть возможность попытаться робко прикоснуться лишь к некоторым из них.

«У Шекспира нет комедий и трагедий в чистом виде… Он больше отвечает *истинному лицу жизни*, в которой тоже перемешаны ужасы и очарование…» [15. С. 88–90]. Пастернак – неокантианец, но ему свойственны глубокие размышления в духе философии жизни. Со второй половины XIX в. и далее в XX в. *«Жизнь»* становится одной из основных философем в эволюции философской мысли в целом. И в творчестве Пастернака это один из главных философских и художественных концептов («Сестра моя – *Жизнь*», «Доктор *Живаго*» и мн. др.). Читая и переводя Шекспира, Пастернак испытывает *эстетические переживания*; в комментариях к переводам Шекспира предстаёт его глубоко личная *эстетика жизни*. У Шекспира жизнь открывается в своей кипучей динамике, жизнь одновременно прекрасна и исполнена драматизма, романтична и трагична, длительна и коротка, она – дар и испытание, она имеет множество оттенков и смыслов в мимолётности своих мгновений. Шекспировский художественный мир даёт понимание законов устройства Мира в целом и логики его жизни.

Герои Шекспира, как считает Пастернак, наводят на размышления о смысле *человеческой жизни* и *человеческого бытия-в-Мире*. Наблюдая за Гамлетом и Офелией, Ромео и Джульеттой, королём Лиром и его дочерями, поэт глубоко ощущает её трагичность и временность, роль судьбы и неизбежность смерти. Не случайно в его переводах шекспировских произведений преобладают именно трагедии. *«Быть или не быть…»*. …Это самые трепещущие и безумные строки, когда-либо написанные о тоске неизвестности в преддверии смерти, силою чувства возвышающиеся *до горечи Гефсиманской ноты*» [15. С. 72–73]. Это Пастернак пишет о

«Гамлете». Образ Гамлета отсылает мысль переводчика в глубины мировой культуры и человеческой истории: Гамлета Пастернак сопоставляет с Христом, ощущающим глубочайшее одиночество и богооставленность в Гефсиманском саду (вспомним здесь и его стихотворение «Гамлет» из поэтического цикла Юрия Живаго романа «Доктор Живаго»). Так оригинально обнаруженная Пастернаком связь древнего архетипа и образа шекспировского героя (который тоже для многих последующих шедевров мировой культуры становится в свою очередь прообразом) свидетельствует о человеческом уделе как таковом в экзистенциальном смысле (вспомним, что один из смыслов хайдеггеровского *Dasein* – заброшенность человека в Мир). Шекспир поистине – великий психолог и знаток сокровенного мира человеческой души.

«Шекспир всегда будет любимцем *поколений исторически зрелых и много переживших*» [15. С. 44–45]. О том, что Шекспир в своих творениях предстаёт как историк (и не только в цикле хроник), писали, конечно, много и до Пастернака [26] и после [21]. Но Пастернак понимает *историософию Шекспира* по-своему. История, несмотря на имена главных героев в названиях шекспировских хроник, это не о героизме, и не о величии английских королей, и не о предназначении правителей. И даже не о вечности великих исторических сюжетов в искусстве и поэзии. Пастернака интересует другое: сопряжение истории и жизни (понимание логики истории доступно через большой долговременный жизненный опыт), история как сплетение и «скрещение» человеческих судеб, смысл и значение отдельной человеческой личности (не только и не обязательно великой) и временной человеческой жизни и смерти в историческом потоке.

Несмотря на сильную «неокантианскую школу» и западноевропейское философское образование, Пастернак живёт, творит и мыслит в традиции русской философии. Для него огромное значение в шекспировском мире обретает *любовь*. *Любовь* – один из ключевых концептов русских философов. Сочинения о *смысле любви* оставили Вл. Соловьёв, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.О. Лосский, Б. Вышеславцев, И. Ильин, В.В. Розанов, С.Л. Франк и мн. другие русские мыслители. Пастернак обнаруживает силу, действие, импульсы и порывы *любви* во всех великих творениях шекспировского гения, для него сам Шекспир весь – *откровение любви*. Важна любовь во всех возможных её проявлениях: и первая юношеская любовь Ромео и Джульетты во всей её трагичности, и отцовская и дочерняя любовь в «Короле Лире», и шире – любовь к ближнему, любовь к жизни, любовь к правде. Любовь самим Пастернаком понимается как мировая творческая стихия: «*Любовь* так же проста и безусловна, как сознание и смерть, азот и уран. Это не состояние души, а *первооснова мира*. Поэтому, как нечто краеугольное и первичное, *любовь равнозначительна творчеству*. … Самое высшее, о чём может мечтать искусство, – это подслушать её собственный голос, её всегда новый и небывалый язык» [15. С. 76–77]. Потому он так внимателен и бережен и в переводах шекспировских сонет.

XX век отмечен лингвистическим поворотом в философии, науке и культуре в целом, становлением, развитием и серьёзным значением *философии языка* (труды М. Хайдеггера, Э. Кассирера, Л. Витгенштейна, Г.-Г. Гадамера, П. Рикёра, Ж. Деррида о сущности Языка). Пастернак мыслит в этих контекстах, и, разумеется, в пожизненном процессе перевода произведений Шекспира постоянно исследует уникальный шекспировский язык, и как поэт пытается постичь природу *Языка* как такового. Язык в его сущности Пастернак понимает вполне в основном русле философии языка века: Язык суть Миротворец. Его философские размышления о Языке встречаются на страницах многих его произведений. Например, в романе «Доктор Живаго» находим такой фрагмент, где очевидны переклички Пастернака с Хайдеггером: «*Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека*. … В такие минуты Юрий Андреевич чувствовал, что главную работу совершает не он

сам, но то, что выше его, …а именно: состояние мировой мысли и поэзии и то, что ей предназначено в будущем, следующий по порядку шаг, который ей предстоит сделать в историческом развитии» [27. С. 507]. Томас Элиот в работе о назначении поэзии говорит, что таких существенных «шагов», таких масштабных исторических сдвигов в эволюции Языка, таких моментов наивысшей поэзии было не так много; такие вехи в интеллектуальной истории человечества отмечены лишь именами редких гениев, создателей великих культурных миров – Гомера, Данте, Шекспира, Гёте… [28. С. 241–259].

Язык Шекспира – энергия самой творческой стихии, он соприроден жизни и любви. Пастернак описывает его как естественный, живой, образный, стихийный, динамичный, отмечает его родство с музыкой, живописью, искусством импрессионизма и символизма. В шекспировском мире сосуществуют и пребывают в сотворческих взаимоотношениях многие языки, порой это языки разных исторических эпох, приходят в движение разные культурные слои, оживают древние мифы и легенды, рождаются разные стили искусства. «Взрывы шекспировской образности исключительны… Порой это высочайшая поэзия, требующая к себе соответствующего отношения, порой откровенная риторика… Как бы то ни было, *метафорический язык Шекспира* в своих прозрениях и риторике… верен главной сущности всякого истинного иносказания. *Метафоризм* – естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности его задач. При этом несоответствии он вынужден смотреть на вещи поорлиному зорко и объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями. *Это и есть поэзия*. *Метафоризм* – стенография большой личности, скоропись её духа. Бурная живопись кисти Рембрандта, Микеланджело и Тициана не плод их обдуманного выбора. При ненасытной жажде написать по целой вселенной, которая из обуревала, у них не было времени писать подругому. *Импрессионизм извечно присущ искусству*. Это выражение духовного богатства человека, изливающегося через край его обреченности… Сила шекспировской поэзии заключается в её могучей, не знающей удержу и разметавшейся в беспорядке эскизности [15. С. 72–73]. Где-то в заметках Пастернак отмечает, что «Король Лир» написан языком ветхозаветных пророков [15. С. 88].

Разумеется, переводчику, считает Пастернак, необходимо пристальное внимание к шекспировскому языку и трепетная тонкая работа с языком и стилем, чтобы в переводе хоть приблизительно суметь передать живые смыслы повествования. Сам он просто *«живёт»* в языке Шекспира и почитает за счастье брать у гения «уроки поэзии». «Я думаю, что дословная точность и соответствие формы не обеспечивает переводу истинной близости. Как сходство изображения и изображаемого, так и сходство перевода с подлинником достигается *живостью и естественностью языка*… Подобно оригиналу, перевод должен производить впечатление *жизни*, а не словесности» [15. С. 72].

Из всех этих течений философской мысли Пастернака о шекспировском мире – философии жизни, философии любви, историософии, философии языка, эстетики и философии искусства и искусства самой поэзии – и рождается его философское понимание *природы и сущности перевода*. «Переводы либо не имеют никакого смысла, либо их связь с оригиналами должна быть *более тесною*, чем принято. Соответствие текста – связь слишком слабая, чтобы обеспечить переводу целесообразность. Такие переводы не оправдывают обещания… Переводы неосуществимы, потому что *главная прелесть художественного произведения в его неповторимости*. Как же может повторить её перевод? Переводы мыслимы: потому что *в идеале и они должны быть художественными произведениями и, при общности текста, становиться вровень с оригиналами своей собственной неповторимостью*. Переводы мыслимы потому, что до нас веками переводили друг друга целые литературы, и переводы – не способ

ознакомления с отдельными произведениями, а средство векового общения культур и народов» [15. С. 52–54]. Постигая миры гениев уровня Шекспира и пытаясь перевести их великие шедевры, Пастернак убеждался в невозможности этого и тогда видел единственный выход – в творчестве. Согласно Пастернаку, «задача переводчика» [8] – в сотворчестве с автором, в процессе которого и становится возможным рождение шедевра. Марина Цветаева в одном эссе, посвящённом балладе Гёте «Лесной царь», сравнивая её оригинал с переводом В.А. Жуковского, утверждает: «вещи *равновелики*» [29. С. 432–433]. В истории переводоведения Б. Пастернака иногда критиковали за неточность его переводов и их абсолютное несоответствие оригинальным текстам [30]. Однако в случае Пастернака стоит говорить как раз о такой *равновеликости* оригинала и перевода. Обращаясь к гениям и через века общаясь с ними, Борис Леонидович сумел сотворить *свои* шедевры. Есть «Фауст» Гёте, и есть «Фауст» Пастернака. Есть «Гамлет» Шекспира, и есть «Гамлет» Пастернака. И есть неповторимый шекспировский мир Пастернака, эстетически пережитый и оригинально понятый им.

Список источников

1. Шекспир. Полное собрание сочинений : в 8 т. / под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста. М. : Искусство, 1957–-1960. Т. 1–8.
2. Пастернак Б.Л. Собрание переводов : в 5 т. М. : Терра-Книжный клуб, 2003. Т. 1–-2.
3. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. М. : РОССПЭН, 2007. 512 с.
4. Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания. М. : Академический проект, 2011. 383 с.
5. Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве. М. : Академический проект, 2011. 293 с.
6. Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк). М. : Республика; Культурная революция, 2006. 478 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М. : Наука, 1991. С. 336–352.
8. Беньямин В. Задача переводчика // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М. : РГГУ, 2012. С. 254–270.
9. Стайнер Д. После вавилонского смешения. Вопросы языка и перевода. М. : МЦНМО, 2020. 645 с.
10. Деррида Ж. Вокруг Вавилонских башен. СПб. : Machina, 2012. 118 с.
11. Лаку-Лабарт Ф. Перевод и история // Логос. 2011. № 5-6 (84). С. 134–147.
12. Рикёр П. Вызов и счастье перевода // Логос. 2011. № 5-6 (84). С. 148–153.
13. Сонтаг С. Мир как Индия. Лекция имени Святого Иеронима о литературном переводе // Перевод. 2024. № 1. С. 93–107.
14. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб. : Симпозиум, 2006. 574 с.
15. Пастернак Б.Л. Полное собр. соч. : в 11 т. / сост. и комментарии Е.Б. Пастернака, Е.В. Пастернак. М. : Слово / Slovo, 2004. Т. 5: Статьи, рецензии, предисловия. Драматические произведения. 752 с.
16. Шекспир и русская культура / под ред. академика М.П. Алексеева. М. ; Л. : Наука, 1965. 823 с.
17. Шекспир в мировой литературе : сборник статей / под общ. ред. Б.Г. Реизова. М. ; Л. : Художественная литература, 1964. 385 с.
18. Айхенвальд Ю.С. Трагедии Шекспира // Айхенвальд Ю.С. Этюды о западных писателях. М. : Научное слово, 1910. С. 1–102.
19. Аникст А.А. Творчество Шекспира. М. : Изд-во художественной литературы, 1963. 615 с.
20. Пинский Л.Е. Магистральный сюжет. М. : Сов. писатель, 1989. 410 с.
21. Барг М.А. Шекспир и история. М. : Наука, 1979. 213 с.
22. Сокур Г.А. «Времён связующая нить…»: из истории отечественной шекспирологии // Шекспировские чтения. М. : Наука, 2004. С. 13–23.
23. Шайтанов И.О. Тенденции и интенции отечественного шекспироведения // Вопросы литературы. 2012. № 2. С. 456–475.
24. Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы / отв. ред. Т.Г. Щедрина. М. ; СПб. : Петроглиф, 2013. 760 с.
25. Блум Г. Западный канон / пер. с англ. Д. Харитонова. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 672 с.

26. Брандес Г. Шекспир. Жизнь и произведения. М. : Алгоритм, 1997. 734 с.
27. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. Милан, 1958. 635 с.
28. Элиот Т.С. Назначение поэзии. Статьи о литературе. Киев : AirLand, 1997. 354 с.
29. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / сост. и ком. А. Саакянц, Л. Мнухина. М. : Эллис Лак, 1994. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. 720 с.
30. Резвый В.А. «Фальсификация Шекспира»: неизданная статья Георгия Шенгели о переводах Бориса Пастернака // Studia Litterarum. 2017. Т. 2, № 3. С. 300–333.

М.С. Петухова[1], Т.А. Нагорная[2]

[1, 2] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ГВАТЕМАЛЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (М.А. АСТУРИАСА «СЕНЬОР ПРЕЗИДЕНТ»)
METHODS OF TRANSLATION OF THE CULTURAL-LOADED WORDS IN GUATEMALAN SPANISH INTO RUSSIAN (BASED ON THE NOVEL “MR. PRESIDENT” BY M.A. ASTURIAS)

Аннотация. Статья посвящена изучению способов передачи национально маркированной лексики испанского языка Гватемалы, относящейся к флоре и фауне. С опорой на труды Л.С. Бархударова, в работе выявлены следующие способы перевода реалий Гватемалы: приближенный перевод, концептуальный (смысловой), транслитерация и описательный перевод. Авторы статьи приходят к выводу, что в основе выбора способа перевода той или иной национально маркированной единицы лежит необходимость обеспечения доступности её восприятия русскоязычными читателями.
Abstract. This article is devoted to the methods of translation of the cultural-loaded words from the Guatemalan Spanish related to flora and fauna. Drawing on the works of L.S. Barkhudarov, the study identifies several translation methods for Guatemalan cultural-loaded vocabulary: approximate translation, conceptual (semantic) translation, transliteration, and descriptive translation. The authors of the article conclude that the choice of translation method for a specific cultural-loaded word is primarily based on the need to ensure its accessibility to Russian-speaking readers.

Язык отражает уникальные черты и ценности культуры народа, являясь своего рода зеркалом его менталитета. Это особенно прослеживается на лексическом уровне, в частности, на уровне национально маркированной лексики, активно изучающейся с середины XX в. и характеризующейся связью между языком и культурой народа.

В конце XX в. под влиянием антропоцентризма стало изучаться воздействие национально-культурных особенностей на изменение словарного состава языка. Такие лингвисты, как Ю.С. Степанов, В.Г. Костомаров, С.И. Влахов, Е.М. Верещагин исследовали, каким образом история, традиции, обычаи и другие аспекты культуры могут отразиться на формировании и обогащении лексики.

Для обозначения слов, отражающих национально-культурное своеобразие на уровне языка, лингвистами используются различные термины. В данной статье мы используем термин национально маркированная лексика, чтобы подчеркнуть, что Гватемала – нация, отличающаяся от других стран Центральной Америки, чей испанский язык обладает своей уникальной лексикой – гватемальтизмами.